

Николай Николаевич Станков

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334,
Ленинский проспект, 32А. E-mail: stankovnn@mail.ru

**«Я в дипломатические представители
не тянулся и не тянусь...»
С. И. Гиллерсон и советская миссия
Красного Креста в Чехословакии
(июль 1920 — июнь 1921 г.)**

В статье рассматриваются основные направления деятельности первой советской миссии в Чехословацкой республике — миссии Красного Креста РСФСР. Автор приводит многочисленные свидетельства, что миссия выполняла функции, далеко выходящие за пределы официальной задачи — оказание помощи бывшим российским военнопленным и их репатриация. Значительное внимание в статье уделено дипломатической деятельности миссии: установлению и поддержанию контактов с официальными кругами ЧСР, переговорам о нейтралитете Праги в польско-советской войне 1920 г. и о признании Советского государства. Для Москвы советская миссия Красного Креста была важным источником информации о внутривосточной и экономической ситуации в Чехословакии, о ее внешней политике, о международных отношениях в Центральной и Юго-Восточной Европе. В статье показана конспиративная деятельность миссии, поддержка революционного движения в Чехословакии и в соседних странах, посредническая роль между Коминтерном и леворадикальными организациями в регионе, работа среди бывших легионеров, а также в рядах русской и украинской эмиграции. Значительное внимание автор уделил личности главы миссии — С. И. Гиллерсона, который руководил всеми направлениями ее деятельности. Автор подчеркнул, что дипломат не всегда соглашался с директивами, поступавшими из Москвы. В статье показано его критическое отношение к отдельным проблемам внутренней и внешней политики Советского государства, к коммунистическому движению в Чехословакии. Особо рассмотрен конфликт Гиллерсона с агентом Коминтерна В. Вишневым. Статья основана на материалах фондов российских и чешских архивов, в которых содержатся документы самой миссии (направленные в Москву телеграммы, письма, отчеты, обзоры и адресованные миссии депеши и инструкции Народного комиссариата иностранных дел РСФСР), а также материалы, касающиеся ее положения в Праге (дипломатическая и другая служебная и личная переписка, донесения и дневники агентов чехословацкой полиции).

Ключевые слова: Г. В. Чичерин, Э. Бенеш, советско-чехословацкие отношения, репатриация бывших военнопленных, польско-советская война 1920 г., Коминтерн, революционное движение в Чехословакии

Статья поступила в редакцию: 21 марта 2024 г.

Статья принята к публикации: 30 апреля 2024 г.

Цитирование: Станков Н. Н. «Я в дипломатические представители не тянулся и не тянусь...» С. И. Гиллерсон и советская миссия Красного Креста в Чехословакии (июль 1920 – июнь 1921 г.) // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 132–177. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.5>.

Миссия Красного Креста была первой советской миссией в Чехословацкой республике. Отдельные аспекты ее деятельности в той или иной степени рассматривались отечественными и зарубежными историками. Первые упоминания о миссии встречаются в 1920–1930-е годы в работах американских авторов о внешней политике Советского государства и Чехословакии, в которых подчеркивалось, что сразу же после прибытия советской миссии Красного Креста в ЧСР там усилилась большевистская пропаганда мировой революции, вызвавшая обеспокоенность чехословацкого руководства¹.

В советской и чехословацкой историографии периода социализма рассматривалась только деятельность миссии по репатриации военнопленных и освещалась она исключительно в положительном ключе. В то же время подчеркивалось крайне враждебное отношение к миссии со стороны чехословацких властей, главная причина которого виделась в их антисоветизме².

Следует отметить, что вплоть до начала 1990-х годов историки как социалистических, так и западных стран не имели доступа к документам самой миссии, не считая нескольких опубликованных, и ограничивались достаточно узким кругом источников. В 1990-х годах ситуация в архивном деле изменилась, и в монографии профессора Бостонского университета И. Лукеша «Чехословакия между Сталиным и Гитлером» часть первой главы была посвящена советской миссии Красного Креста в Чехословакии, которая была написана на основе изучения частично дешифрованной сотрудниками Министерства иностранных дел ЧСР переписки руководителя миссии

¹ См.: Dennis 1924: 398–399; Vondracek 1937: 133–134, 139. В книге А. Л. П. Денниса допущена ошибка в датировке начала работы миссии – 1919 г.

² См.: Петерс 1965: 99–101; Шишкин 1962: 23–25; Olivová 1957: 277–284.

с Народным комиссариатом иностранных дел РСФСР, сохранившейся в Архиве МИД Чешской Республики. Особое внимание Лукеш уделил дипломатической и разведывательной деятельности миссии³. Современные чешские историки отмечают, что советская миссия Красного Креста в ЧСР наряду с репатриацией военнопленных вела разведывательную работу и обеспечивала связь Коминтерна с левыми деятелями в чехословацкой социал-демократии⁴.

Таким образом, в историографии лишь намечены отдельные направления деятельности советской миссии Красного Креста в Чехословакии. Пока нет исследований, специально посвященных миссии. Вместе с тем ставшие доступными архивные документы позволяют восстановить во всей полноте ее деятельность и дополнить общую картину становления советско-чехословацких отношений.

В настоящей статье предпринята попытка на основе документов российских и чешских архивов исследовать основные направления деятельности советской миссии Красного Креста в Чехословакии с июля 1920 г. по июнь 1921 г. Представляется важным рассмотреть роль Гиллерсона как главы миссии, особенности его восприятия и оценки происходивших событий, распределение обязанностей и взаимоотношения в самой миссии.

«Общее впечатление приема прекрасное»

Вопрос об обмене миссиями Красного Креста между Советской Россией и Чехословацкой республикой возник в связи с проблемой взаимной репатриации военнопленных, которая оставалась как последствие еще Первой мировой войны и затем усугубилась обстоятельствами Гражданской войны в России. Начало переговоров о деятельности миссий было положено в феврале 1920 г. в Копенгагене во время встречи члена коллегии Наркоминдела РСФСР Максима Максимовича Литвинова (1876–1951) с руководителем чехословацкой репатриационной миссии майором Йозефом Скалой. 21 февраля Скала, по итогам встречи, сообщил в Прагу, что обмен военнопленными возможен, но его миссия может быть принята в Советской России только тогда, когда советская миссия Красного

³ Lukes 1996: 7–11.

⁴ Voráček, Hubený, Litera 2019: 145–146.

Креста по репатриации военнопленных будет принята в Чехословакии. Скала особое внимание обращал на слова Литвинова, что переговоры должны вестись только напрямую и все вопросы решаться лишь на основе взаимности. Литвинов предложил местом переговоров Ревель (Таллинн), и Скала обратился к эстонскому посланнику в Дании, чтобы тот запросил свое правительство о возможности этого⁵.

25 февраля 1920 г. нарком по иностранным делам РСФСР Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936) направил правительству ЧСР ноту с предложением начать переговоры «с целью установления мирных отношений и заключения соглашений, выгодных для обеих сторон»⁶. Нотная переписка и переговоры затянулись до конца апреля 1920 г. В итоге была достигнута договоренность об обмене между РСФСР и ЧСР миссиями Красного Креста⁷. 29 мая Чичерин сообщил в Ревель, что полномочным представителем Российского общества Красного Креста (РОКК) в Чехословакию назначен Соломон Исидорович Гиллерсон (1869–1939) и его будут сопровождать шесть человек служебного персонала: секретарь Н. А. Кузьмин, заведующий канцелярией Роман Осипович Якобсон (1896–1982), делопроизводитель Илья Исаакович Левин (1899–?), бухгалтер Виктор Вишневецкий, машинистка Ульяновская и курьер⁸.

Никто из членов миссии не числился в штате РОКК⁹. Почти все они были сотрудниками НКВД РСФСР. Руководитель миссии С. И. Гиллерсон — врач, доктор медицины, активный деятель Бунда, в 1917 г. примкнувший к большевикам, в 1918 г. поступил на службу в НКВД и в 1919 г. возглавил отдел военнопленных. Молодой ученый-славист Р. О. Якобсон был принят на дипломатическую службу в феврале 1920 г. и вначале работал в советском полпредстве в Эстонии, затем в комиссии по подготовке материалов для переговоров с Польшей, а когда узнали о его знании чешского языка, включили

⁵ *Olivová V. Československo-sovětské vztahy v letech 1918–1922. Praha: Naše vojsko, 1957. Sv. 2. S. 491. Dok. 38.*

⁶ ДМИСЧО. М.: Наука, 1973. Т. 1. С. 322. Док. 274.

⁷ Там же. С. 339. Док. 290; С. 342–343. Док. 295.

⁸ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 3. П. 2. Д. 13. Л. 58.

⁹ Списки служащих РОКК за 1920–1921 гг. см.: ГА РФ. Ф. Р 3341. Оп. 3. Д. 27–30, 45, 54, 105. Отчеты о деятельности РОКК и отделов ЦК РОКК в 1920–1921 гг. см.: Там же. Оп. 6. Д. 400. Материалы о деятельности зарубежных организаций РОКК см.: Там же. Оп. 2. Д. 52а.

в состав миссии в ЧСР. Он не скрывал от Гиллерсона, что хотел бы работать в Пражском университете, и тот ответил: «Если это будет возможно совместить, то, пожалуйста»¹⁰. В Прагу миссия должна была отправиться из Ревеля. Якобсон вспоминал, как вслед за ним в Ревель приехали «двое мужчин — совсем мальчики: один был Левин, который потом, много лет спустя, по возвращении домой, погиб, а другой был дипломатический курьер Теодор Нетте»¹¹. Наиболее загадочной личностью в составе миссии был бухгалтер Виктор Вишневский. В Праге бухгалтерские обязанности он в значительной степени переложил на Кузьмина, а сам, сославшись на поручения Коминтерна, занялся деятельностью по линии этой структуры.

Из членов миссии, помимо Гиллерсона и Вишневского, во все секреты ее деятельности был посвящен еще И. И. Левин. На службу в НКВД он поступил в 1918 г. и выполнял обязанности помощника старшего секретаря и дежурного секретаря секретариата наркома. В миссии Гиллерсона Левин был шифровальщиком: хранил шифры, шифровал и расшифровывал телеграммы и депеши, перепечатывал их на машинке, копировал документы¹². Левин пользовался большим доверием Чичерина и поддерживал с ним тесные отношения, о чем свидетельствует их личная переписка¹³.

В начале июля 1920 г. миссия отправилась из Ревеля морским путем в Штеттин, а оттуда поездом в Прагу, с остановкой в Берлине¹⁴. Еще 22 июня поверенный в делах Чехословакии в Германии Милош Кобр (1878–1953), ссылаясь на советского представителя в Берлине Виктора Леонтьевича Коппа (1880–1930), сообщил в МИД ЧСР, что миссия имела широкие полномочия: помимо возвращения военнопленных, предполагались переговоры о подписании соглашения об экономическом сотрудничестве и эвентуально о заключении политического договора¹⁵. 8 июля председатель Чехословацкого общества Красного Креста Алиса Масарик (1879–1966), дочь президента

¹⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53992. Л. 7; Якобсон Р. О. Будетлянин науки: воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост., подг., вступ. статьи и коммент. Б. Янгфельдта. М.: Гилея, 2012. С. 95–96.

¹¹ Якобсон Р. О. Будетлянин науки. С. 95–96.

¹² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 24.

¹³ Станков 2019.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 3. П. 2. Д. 13. Л. 36; Якобсон Р. О. Будетлянин науки. С. 96.

¹⁵ DČZP. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Praha, 2004. Sv. 1. S. 63. Dok. 9.

ЧСР, направила Чичерину депешу, в которой указывалось, что миссии Красного Креста не могут использоваться для решения торговых или политических вопросов, или с целью пропаганды. Чехословацкий Красный Крест не прибегает к таким методам и их не одобряет. А. Масарик подчеркнула, что задача миссии Гиллерсона ограничивается репатриацией на родину военнопленных, и в этом ей будет оказана всемерная помощь. В тот же день в вечерних выпусках пражских газет депеша была опубликована¹⁶.

10 июля советская миссия прибыла в Прагу. Ее встречали некоторые деятели Чехословацкой социал-демократической рабочей партии, в том числе депутаты Национального собрания ЧСР, представители Чехословацкого Красного Креста, а также некоторых левых изданий и общественных групп, активисты из бывших русских военнопленных. Представителю редакции социал-демократической газеты *Právo lidu* («Право народа») Гиллерсон сказал, что «он совершенно не собирается заниматься какой-либо политической деятельностью, но он точно и с сознанием всей ответственности будет выполнять задачу, ради которой он был послан сюда советской властью, а именно: обследовать и улучшить условия жизни русских пленных и установить с нашим правительством связь, чтобы как можно скорее произошел взаимный обмен пленными»¹⁷.

11 июля Гиллерсон встретился с Алисой Масарик. 12 июля в ходе совещания с представителями чехословацких ведомств выяснилось, что в ЧСР около 10 тысяч военнопленных из дореволюционной России. Как сообщил Гиллерсон в шифротелеграмме Чичерину: «В наших интересах срочно приступить к отправке первых эшелонов, с помощью Чешского Красного Креста. Могу отправлять Коппу, без участия Центроэвака»¹⁸. Необходимы средства»¹⁹. Решение этой задачи оказалось не столь быстрым. Потребовались продолжительные переговоры и согласования в Праге и Москве, организационная подготовка, и только 2 ноября в Россию ушел первый эшелон с бывшими военнопленными²⁰. Всего было снаряжено пять эшелонов, последний

¹⁶ Olivová 1957: Sv. 1: 278.

¹⁷ ДМИСЧО. Т. 1. С. 357–358. Док. 312.

¹⁸ Центроэвак — Центральное управление по эвакуации населения Народного комиссариата внутренних дел РСФСР.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53926. Л. 2.

²⁰ Там же. Ф. 138. Оп. 3. П. 2. Д. 13. Л. 17.

из них отправлен 27 декабря 1920 г.²¹. За эти два месяца было переправлено около 5 тыс. человек²².

С момента прибытия в Прагу, как написал Гиллерсон Чичерину, он «намеренно воздерживался просить приема у правительства, предпочитая выжидать». 16 июля 1920 г. его пригласил министр иностранных дел ЧСР Эдвард Бенеш (1884–1948). «Сухой, сдержанный и деловой тон в начале беседы, затем сменился по его (Бенеша. — *Н.С.*) почину доброжелательно-радушным», — информировал Гиллерсон наркома. Бенеш принял предложение советского представителя предоставить возможность миссиям Красного Креста на условиях взаимности пользоваться шифром и курьерами. «Бенеш уверял в своей и чехов любви к русским, просил по всем вопросам обращаться непосредственно» к нему, «считая, что другие могут не проявлять должной предупредительности». К концу двухчасовой беседы Гиллерсон ознакомил Бенеша с мандатом НКВД, предоставлявшим главе миссии РОКК весьма широкие полномочия. «Произвело хорошее впечатление», — отметил Гиллерсон. Бенеш пообещал устроить в ближайшие дни встречу с президентом Томашем Гарригом Масариком (1850–1937). Подводя итоги первой недели работы в Праге, Гиллерсон писал Чичерину 18 июля: «В правящих кругах, по-видимому, есть готовность идти навстречу, а в деловых сферах тенденция немедленно вступить в сношения. Общее впечатление приема прекрасное»²³.

Бенеш тоже имел все основания испытывать удовлетворение. Советская миссия была размещена в здании Чехословацкого Красного Креста, где рядом с помещением миссии расположился наряд полиции, и то же самое было сделано в отеле «Империял», где жили сотрудники миссии, так что за каждым из них осуществлялась слежка, все, кто обращался в миссию или вступал в контакт с ее представителями, были под контролем полиции. А после беседы с Гиллерсоном Бенеш поставил под контроль переписку миссии с Москвой. Ибо, не имея дипломатического статуса, миссия свои телеграммы в зашифрованном виде передавала в третью секцию МИД ЧСР для отправления в НКВД и таким же образом получала шифровки Чичерина. Между тем специалисты секции смогли дешифровать эту

²¹ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 3. П. 2. Д. 13. Л. 5.

²² Olivová 1957: Sv. 1: 284.

²³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53926. Л. 2.

переписку²⁴. В Москве вскоре заподозрили что-то неладное. Шифро-телеграммы приходили нерегулярно, с большим опозданием. Иногда курьер доставлял почту раньше, чем приходили шифровки.

7 августа 1920 г. Гиллерсона принял президент Масарик. «Примем был чрезвычайно любезный, беседовали два часа, затронута много вопросов», — сообщил Гиллерсон Чичерину²⁵. Президента, очевидно, интересовала ситуация в Советской России, так как на следующий день в шифровке в НКВД Гиллерсон просил прислать для Масарика соответствующую литературу, комплекты газет «Экономическая жизнь», «Коммунистический труд» и журнала «Коммунистическое просвещение»²⁶. Во время аудиенции у президента Гиллерсон поставил вопрос о непризнании «самозванного» (белогвардейского) Российского общества Красного Креста, чье представительство находилось в Праге, и требовал, чтобы только он признавался единственным представителем российского Красного Креста. Ответ Масарика неизвестен, но «самозванное» представительство действовало параллельно с советской миссией. Гиллерсон также настаивал на прекращении вербовки русских военнопленных в войска генерала Петра Николаевича Врангеля (1878–1928)²⁷.

В центре беседы Гиллерсона с президентом 7 августа был вопрос о нейтралитете Чехословакии в польско-советской войне²⁸. Масарик уверял в строжайшем нейтралитете ЧСР. Гиллерсон настаивал на необходимости «категорической формы правительственного заявления о нейтралитете». Масарик ответил, что такое заявление Антанте сделано и для его передачи глава французской военной миссии генерал Морис Пелле (1863–1924) уже выехал в Париж. На предложение Гиллерсона опубликовать заявление о нейтралитете, президент обещал, что на днях это будет сделано²⁹. Еще 27 июля на заседании правительства министр внутренних дел Антонин Швегла (1873–1933) (председатель правительства Властимил Тусар (1880–1924)

²⁴ Lukes 1996: 8.

²⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 4.

²⁷ Там же. Л. 2. По поводу «самозванного» РОКК позиция Гиллерсона отражала линию, уже до того взятую Москвой. См.: ДМИСЧО. Т. 1. С. 347. Док. 300; С. 360. Док. 315.

²⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 2.

²⁹ Там же.

и Бенеш были в отъезде) предложил, чтобы Чехословакия заявила о нейтралитете в польско-советской войне, о чем президент должен в надлежащей форме сообщить союзникам. Тогда же совет министров принял к сведению и одобрил, что некоторые члены кабинета вели и в будущем будут вести переговоры с Гиллерсоном³⁰. 9 августа на заседании совета министров Бенеш сообщил о ходе боевых действий, о международно-политической ситуации, о тех мерах, которые необходимо предпринять в связи с объявлением Чехословакией нейтралитета в польско-советской войне. Совет министров ЧСР принял официальное заявление для печати, которое надлежало опубликовать в утренних газетах 10 августа³¹.

10 августа 1920 г. состоялась вторая встреча Гиллерсона с президентом. «Продолжительная беседа с Масариком затронула много важных и жгучих вопросов, — писал Гиллерсон Чичерину. — Существеннейшее я Вам сообщил по радио»³². К сожалению, ни в российских, ни в чешских архивах не удалось обнаружить записей беседы кроме очень лаконичной шифровки Гиллерсона Чичерину от 14 августа: «Второе свидание с Масариком продолжалось 5 часов. Согласился на включение Карпата Руси в Российскую Федерацию»³³. Впоследствии советский представитель в ЧСР Константин Константинович Юренев (1888–1938) согласие чехословацкого президента на передачу Подкарпатской Руси Советскому государству расценил как вынужденное ввиду приближения Красной армии к Варшаве и к границам ЧСР³⁴. Этим, очевидно, объясняется и предупредительность первых лиц Чехословакии по отношению к советскому представителю в июле-августе 1920 г. В последующей переписке Гиллерсона с НКВД, после поражения Красной армии на Висле и ее отступления, больше не было и речи о приемах у Масарика, а встречи с Бенешем стали гораздо реже и проходили в весьма сдержанной атмосфере.

В первой же половине августа встречи с Бенешем и Масариком были столь частыми и продолжительными, что Гиллерсон не писал о них Чичерину подробно, дабы не отнимать у него времени³⁵. Между

³⁰ NA. Praha. Předsednictvo ministerské rady. Karton 4040. S. 12–13.

³¹ Ibid. S. 312–314, 318–319.

³² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53925. Л. 4.

³³ Там же. Д. 53927. Л. 10.

³⁴ Там же. П. 275. Д. 53952. Л. 134.

³⁵ Там же. П. 273. Д. 53925. Л. 4.

тем ему хотелось многое обсудить с наркомом. В частности, в письме от 11 августа Гиллерсон задавался вопросом: «Неужели так необходимо стремиться к Варшаве[?]». И тут же отвечал на него: «Мне лично это кажется стратегически рискованным, политически ошибочным»³⁶. Из содержания письма следует, что к тому времени советский представитель в Праге не получил от Чичерина ни одной депеши, из чего он сделал вывод:

Или Вы считаете Прагу незначительным пунктом, и что бы я тут ни делал, это особых последствий иметь не может, или же Вы слишком доверяете моей интуиции — ведь без информации и инструкций по самым актуальным вопросам я вынужден действовать интуитивно — и вполне доверяете моему “дипломатическому” такту. В первом случае я могу быть спокоен — значит моя ответственность не велика. Во втором — я могу чувствовать себя польщенным³⁷.

Такое «дипломатическое» положение через месяц пребывания в Праге начало тяготить Гиллерсона. «Меня снова тянет к моим врачебным занятиям, к моим медицинским книгам», — писал он Чичерину 11 августа³⁸. К тому же не поступали деньги ни на содержание миссии, ни для помощи военнопленным. Почти в каждой шифровке Гиллерсон требовал прислать деньги. 14 августа он дошел до угроз: «Примите срочные меры для пересылки мне денег, иначе вынужден буду отсюда уехать»³⁹. Решить эту проблему удалось по согласованию с чехословацкой стороной. 20 августа правительство ЧСР, по предложению Масарика, открыло Гиллерсону кредит в размере одного миллиона чехословацких крон при условии, что на такую же сумму будет открыт текущий счет в немецких марках (до эквивалента одного миллиона чехословацких крон) руководителю чехословацкой миссии Красного Креста в Москве⁴⁰.

В составе миссии не было сотрудника, разбиравшегося в торгово-экономических вопросах. Эту работу должен был осуществлять гражданин Чехословакии Л. Тучек, который в первые дни пребывания миссии в Праге встретился с Гиллерсоном и предложил свои услуги

³⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53925.

³⁷ Там же. Л. 3–4.

³⁸ Там же. Л. 4.

³⁹ Там же. Д. 53927. Л. 10.

⁴⁰ Там же. Л. 12.

как специалист в данной сфере. Однако он никакого реального участия в делах не принимал. Глава миссии запрашивал Наркоминдел, как ему быть, «имеется ли в виду прислать сюда кого-либо специально для торговых сношений». Он просил известить о создавшейся ситуации заместителя наркома внешней торговли Андрея Матвеевича Лежаву (1870–1937) и предоставить соответствующую информацию и инструкции. В первое время Гиллерсону пришлось самому заниматься этими проблемами. В вопросах товарообмена он придерживался следующей тактики. Необходимой предпосылкой торговых отношений является «установление нормальных отношений между обоими государствами и их правительствами». «Нельзя тянуться к нашему золоту и в то же время с опаской оглядываться на Антанту». Гиллерсон рассчитывал, что предпринимательские круги окажут давление на чехословацкое правительство в деле «установления правильных международных сношений с Россией»⁴¹.

В полученных с запозданием шифровках из НКВД и письмах Чичерина содержалось множество поручений. Главной проблемой, волновавшей Москву, был нейтралитет ЧСР в польско-советской войне. 9 августа 1920 г. Чичерин написал Гиллерсону, что от Чехословакии «мы требуем категорического отказа поставлять Польшу военное снаряжение и допускать его транзит в Польшу»⁴². Как только в Москве была получена шифровка Гиллерсона о встрече с Масариком, гарантировавшим нейтралитет, последовал новый вопрос, вызванный поступившей информацией о том, что «Антанта обещаниями уредила Венгрию вмешаться в войну и помочь Польшу», а Чехословакия согласилась «пропустить венгерские войска, идущие против России». «Нельзя ли удостовериться, действительно ли Чехия согласилась пропустить идущие против нас войска, — написал Чичерин Гиллерсону. — Это противоречит Вашей шифровке. Нет ли двойной игры[?]»⁴³. В дальнейшем вопросы из Москвы о возможном нарушении нейтралитета Чехословакией следовали один за другим. Малейшие слухи, сообщения иностранных газет или радио побуждали Чичерина обращаться к Гиллерсону с новым запросом.

⁴¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53925. Л. 2–3.

⁴² Там же. Ф. 0509. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 28.

⁴³ Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53926. Л. 4.

Обеспокоенность в Москве вызвали сообщения о создании Малой Антанты⁴⁴. Поскольку в большинстве стран региона не было советских представителей, на Гиллерсона обрушился град вопросов и поручений: как обстоит дело с Малой Антантой? какова роль Бенеша? будет ли результатом нейтралитет или наоборот объединение против нас? для чего в Румынию ездил Бенеш? какова теперь политика Румынии? продолжается ли благоприятное для нас направление в Праге? каковы взаимоотношения Румынии и остальных этих правительств? какая связь между румыно-чешскими отношениями и возможностью выступления Румынии против нас?⁴⁵. Чичерин подчеркивал, что для советской России «желательно сближение с Югославией»⁴⁶, и в сентябре Гиллерсон собрался посетить Белград. В конце месяца получил разрешение наркома на поездку «для подготовительных и информационных целей с тем, чтобы будущие переговоры с Югославией вело специально посланное отсюда (из Москвы. — *Н. С.*) лицо»⁴⁷. Однако этот визит не состоялся, потому что югославское руководство не намерено было вступать в переговоры с Советской Россией⁴⁸.

«Как-то само собой в наших отношениях установилась фаза внешнего взаимного терроризирования»

Не полагаясь только на заверения чехословацких официальных властей о соблюдении нейтралитета, Москва по коминтерновским каналам использовала активистов, в том числе и засылавшихся эмиссаров-нелегалов, которых антикоммунистическая пропаганда именovala «агентами Коминтерна», для организации саботажа, забастовок рабочих, создания помех транспортировке военного снаряжения в Польшу. Небезызвестный Вальтер Германович Кривицкий (1899–1941), чья карьера началась в 1920 г. прикомандированием

⁴⁴ Подробнее см.: Станков 2018.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53926. Л. 6.

⁴⁶ Там же. Л. 9.

⁴⁷ Там же. Д. 53924. Л. 3.

⁴⁸ Переговоры министра иностранных дел Югославии Анте Трумбича (1864–1938) с советскими представителями в Лондоне в августе 1920 г. по указанию принца-регента Александра Карагеоргиевича (1888–1934) были прерваны. См.: Москва — Сербия, Белград — Россия: сб. документов и материалов. Београд: Архив Србије; М.: Главное архивное управление города Москвы, 2017. Т. 4. С. 731. Док. 123.

в качестве агента Коминтерна к военной разведке Западного фронта, вспоминал, как он ездил в Варшаву, Краков, Львов, в Вену, в немецкую и чешскую Силезию, «организуя забастовки, чтобы не допустить разгрузки оружия»:

Успешной была организованная мной железнодорожная забастовка на чешской узловой станции Одерберг, воспрепятствовавшая передаче Пилсудскому военного снаряжения, изготовленного на заводе «Шкода»⁴⁹.

Миссия Красного Креста РСФСР в Праге также была причастна к организации забастовок. Как сообщил Гиллерсон Чичерину в шифрограмме от 22 августа, когда он через своего агента выяснил, что «Шкода» выполняет польские заказы, им был направлен туда «для разведки и соответствующей информации рабочих и железнодорожников того района один человек»⁵⁰. В этой шифровке намного подробнее, чем о переговорах с Масариком, сообщалось о забастовках, о многочисленных демонстрациях чешских и немецких рабочих, организованных социал-демократами в Праге и во многих других городах Чехословакии, с требованием не пропускать транспорты в Польшу и Венгрию, немедленно установить дипломатические отношения с Советской Россией⁵¹.

В начале сентября 1920 г. к Гиллерсону обратился бывший президент Венгерской республики граф Михал Каройи (1875–1955) с предложением создать коалиционное правительство из представителей венгерской «радикальной буржуазии и крестьян», оппозиционных режиму Миклоша Хорти (1868–1957). Каройи исходил из сложившейся политической ситуации в Венгрии: пролетариат совершенно бессилён, крестьянство, хотя и недовольно режимом Хорти, но лишено «достаточного классового сознания и инициативы», а Советская Россия не сможет прийти на помощь. Если же не оказать противодействия режиму Хорти, то он укрепится сам и поспособствует созданию «среднеевропейского монархического блока»⁵²,

⁴⁹ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. *Кривицкий В.* Я был агентом Сталина. М.: Изд. центр «Терра»; Кн. лавка–РТР, 1997. С. 265.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 13.

⁵¹ Там же. Л. 13–14.

⁵² Очевидно, речь идет о восстановлении монархии Габсбургов. См. статью И. Э. Магадеева в данном выпуске.

который, как предполагал Каройи, будет охватывать, помимо Венгрии, Польшу, Румынию и Австрию, и который будет представлять угрозу для Чехословакии. Каройи рассчитывал на поддержку Праги и Белграда и не скрывал, что он уже вступил в переговоры с правительством ЧСР и надеялся на успешный исход. Очевидно, для него была важна и поддержка Москвы, поэтому он и обратился к Гиллерсону. Каройи в общих чертах изложил программу будущего правительства: широкая аграрная реформа, частичная национализация промышленности, реформы в социальной и культурной сферах. Осуществление этих планов привело бы к временному укреплению в Венгрии мелкобуржуазной демократии и позиции среднего консервативного крестьянства, поддержало бы существовавшие режимы в Чехословакии и в соседних государствах. Для Каройи было важно выяснить мнение советского руководства: «должен ли он в интересах всемирной революции взять на себя ответственность по образованию таковой коалиции, или же только поддержать ее, не принимая активного участия, или же препятствовать». Преимущества предложения Каройи Гиллерсон видел, во-первых, в спасении товарищей — венгерских коммунистов, подвергавшихся преследованиям хортистов, во-вторых, в обретении свободы социалистической пропаганды в Венгрии, и, в-третьих, в срыве «контрреволюционных поползновений в соседних государствах». Гиллерсон писал Чичерину, что «положение в Венгрии и Праге требует срочного решения»⁵³.

Неизвестно, каким был ответ Москвы на предложение Каройи. Можно предположить, что оно не совсем отвечало ее интересам. О настроениях, царивших в то время в советских правящих кругах, о планах, вынашиваемых большевистским руководством, свидетельствует переписка председателя Совнаркома РСФСР Владимира Ильича Ленина (1870–1924). 23 июля он писал И. В. Сталину:

Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть также Чехию и Румынию⁵⁴.

⁵³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 17.

⁵⁴ В. И. Ленин: Известные документы. 1891–1922 гг. / подг. Ю. Н. Амиантовым, Ю. А. Ахапкиным, В. Н. Степановым. М.: РОСПЭН, 1999. С. 357. Док. 238.

3 августа под впечатлением от рассказа делегата II конгресса Коминтерна от Чехословацкой социал-демократической рабочей партии (левицы) Милоша Ванека (1897–1967) о ситуации в Подкарпатской Руси, Ленин поручил Чичерину «его выслушать и распорядиться с его сведения о Подкарпатской Руси собрать т щ а т е л ь н о (здесь и далее разрядка как в документе. — *Н. С.*)»⁵⁵.

Через советскую миссию Красного Креста в Праге Коминтерн поддерживал связь с леворадикальными элементами в Чехословакии и в соседних странах, для чего использовались шифрограммы и дипломатические курьеры. В телеграммах миссии часто встречается информация, адресованная руководителям Коминтерна Григорию Евсеевичу Зиновьеву (1883–1936), Карлу Бернгардовичу Радеку (1885–1939), Николаю Ивановичу Бухарину (1888–1938), венгерским, чехословацким и другим коммунистам-иностранцам, находившимся в Москве (Беле Куну (1886–1938), Ярославу Петрлику-Салату (1889–1947) и др.). «Бухгалтер» миссии Вишневецкий встречался с левыми радикалами. Через него поступали деньги не только чехословацким левым, но и венгерским, и украинским коммунистам. 28 августа 1920 г. Вишневецкий писал Радеку: «Мое присутствие здесь создало положение совместной работы с чешскими, украинскими и венгерскими коммунистами. Названные коммунисты требуют моего участия в решении ответственных вопросов. Не имея от Вас полномочий для таковой работы, прошу выяснить возможность моего дальнейшего участия в ней»⁵⁶. Через десять дней Вишневецкий вновь писал Радеку:

Необходимо срочно выдать венгерским и украинским товарищам до ста тысяч денег чешских крон. Сообщите срочно, из каких источников выдать, из средств миссии или других. В первом случае сообщите Гиллерсону о выдаче денег⁵⁷.

Советская миссия Красного Креста была непосредственно причастна к подготовке восстания в Восточной Галиции. Как сообщил 10 августа Гиллерсон Чичерину, в Восточную Галицию было направлено 30 агитаторов, готовы к выступлению 500 казаков, затем

⁵⁵ В. И. Ленин: Неизвестные документы. С. 358. Док. 239.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 22.

⁵⁷ Там же. Л. 6. Из текста документа не совсем ясно, шла ли речь о венгерских и украинских коммунистах в Чехословакии или за ее пределами.

предполагалось в уезды, охваченные восстанием, переправить еще 2 тыс. человек. Оружием восставшие были обеспечены, но необходимы были еще 200 тыс. чешских крон⁵⁸.

Через миссию осуществлялась связь Москвы с революционным подпольем в Подкарпатской Руси. Так, 24 октября Гиллерсон переслал Чичерину доклад комиссара, который ездил «для обследования дел на месте» и создал временный революционный комитет. Ревком состоял из пяти человек, постоянно находившихся в Подкарпатской Руси, и комиссара в Праге — «для связи с другими организациями». Ревком направлял работу всех партизанских отрядов и подпольных ячеек в Галиции и Подкарпатской Руси. Комиссар просил предоставить денежные средства «дабы не загасить революционный пыл среди населения Галиции и Карпатской Руси»⁵⁹. От своего имени Гиллерсон поддержал просьбу комиссара: «Ввиду отсутствия в данное время средств у организации, просим в самом срочном порядке разрешить вопрос с заинтересованными учреждениями и сообщить ответ по радио»⁶⁰.

Значительное внимание в донесениях Гиллерсона уделялось подготовке XIII съезда Чехословацкой социал-демократической рабочей партии, который был назначен на 25 сентября 1920 г. Руководство Коминтерна делало ставку на раскол ЧСДРП. 26 августа малое бюро ИККИ во главе с Зиновьевым «советовало» левым социал-демократам «немедленно после партийного съезда, независимо от его исхода, организовать компартию»⁶¹.

Устремления верхов Коминтерна не учитывали действительно положения дел в рабочем движении Чехословакии. 13 сентября 1920 г. Гиллерсон писал Чичерину, что «настроение партии и масс без вождей далеко не революционное». Но левые рассчитывают, что получат большинство на съезде, и на то, что правые, следуя партийной дисциплине, ему подчинятся. В случае большинства левых на съезде их лидер Богумир Шмераль (1880–1941), руководствуясь указаниями лидеров Коминтерна, должен был потребовать выхода социал-демократов из правительства, что повлекло бы за собой падение кабинета В. Тусара и назначение новых выборов. Шмераль возлагал

⁵⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 7.

⁵⁹ Там же. Д. 53925. Л. 11–13.

⁶⁰ Там же. Л. 9.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 1. Л. 77.

большие надежды на усиленную пропагандистскую кампанию накануне выборов. Но Гиллерсон опасался, что после отставки правительства Тусара будет составлен «деловой кабинет из резко-реакционных элементов», не исключал «военной диктатуры», например во главе с генералом Яном Сыровы (1888–1970), «усиления влияния Франции и отказа от нейтралитета, репрессий внутри, активной противосоветской политики со всеми ближайшими и дальнейшими последствиями». Что же касалось попытки совершить социалистическую революцию в Чехословакии, к чему призывал ИККИ, то Гиллерсон привел мнение Шмерала, что вне связи с революционным движением в соседних странах она не может завершиться успешно, что «изолированная политически и топографически Чехия на революционную деятельность не способна». «Все зависит от международной ситуации, от наших успехов на фронте и от хода вещей в Германии», — писал Гиллерсон Чичерину 13 сентября. Поэтому он предлагал «пока правительство оставить [в] настоящем виде» и «ограничиться требованием новых парламентских выборов к началу будущего года». Гиллерсон просил Москву срочно отменить ранее данные Шмералу инструкции⁶².

Но отмены не последовало, и вопреки уверениям Шмерала «о партийной лояльности правых», еще до съезда произошел раскол в редакции центрального органа партии *Právo lidu*. «Правые взяли решительный противобольшевистский курс, — с тревогой писал Гиллерсон Чичерину 19 сентября, — их враждебное отношение к Советской России уже выявляется и можно ожидать более резких выпадов и агитации»⁶³. 22 сентября он сообщил Чичерину, что в связи с расколом ЧСДРП и деятельностью Коминтерна «поднята травля против нашей миссии». Гиллерсон подчеркивал:

Отношение здешних правительственных кругов определил бы как выжидательно-недоброжелательное. Явных признаков нет, но это чувствуется. Как-то само собой в наших отношениях установилась фаза внешнего взаимного терроризирования.

С середины сентября в пражских газетах одна за другой появлялись статьи, разоблачающие закулисную деятельность миссии.

⁶² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 16.

⁶³ Там же. Л. 19.

Гиллерсона обвиняли в том, что он занимается не своим прямым делом — эвакуацией военнопленных, а коммунистической пропагандой. «С первого дня приезда опекающие меня шпики теперь буквально следуют за мной по пятам», — написал Гиллерсон Чичерину⁶⁴. Многих следивших за ним агентов он знал в лицо и даже общался с ними. Однажды, дойдя до отеля, Гиллерсон сказал сопровождавшему его агенту: «Передайте своему коллеге, что я больше нигде не пойду, пусть ждет меня здесь». Иногда, не обнаружив знакомых лиц, он громко говорил: «Где же мой шпики? Я уже здесь, а его еще нет»⁶⁵. О каждом шаге Гиллерсона, с кем он встречался, о чем говорил, агенты ежедневно составляли подробные донесения. Имели место и провокации. 27 сентября чешский офицер в отставке Ф. Кржиштал предложил Гиллерсону купить чертежи пулемета и обещал поставлять секретные сведения из генерального штаба чехословацкой армии. Глава миссии сдал провокатора полиции⁶⁶.

1 октября 1920 г. Гиллерсон был принят Бенешем. «Не стесняясь в выражениях, я ему высказал все свое неудовольствие, — писал Гиллерсон Чичерину, — потребовал, чтобы он опроверг лживые обвинения и инсинуации по моему адресу». Гиллерсон упрекал Бенеша, что тот не ответил ни на одно его заявление, ни на одну ноту протеста. Он не может позволить, чтобы «представителя Советской России третировали как бедного родственника». Бенеш сказал, что не сомневается в его лояльности и обещал сделать соответствующее заявление в парламенте, а на протесты и ноты не отвечал, поскольку собирался поговорить лично. В то же время министр сказал, что имеется компрометирующий материал на Вишневого, в частности, о его контактах с Алоизом Муной (1886–1943), одним из лидеров левых радикалов, ведущих активную коммунистическую пропаганду⁶⁷.

Гиллерсон тогда еще не знал, что во время служебной поездки в Берлин Вишневицкий на границе в Дечине 23 сентября был задержан чехословацкой полицией и у него отобрали паспорт и дипломатическую почту. Следивших за ним полицейских агентов Вишневицкий заметил еще на вокзале в Праге и обругал их. Правда, из его рапорта следует обратное, что агенты с бранью набросились на него.

⁶⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 21.

⁶⁵ AMZV. II. sekce — 2. Кг. 563 (в деле отсутствует пагинация).

⁶⁶ Ibid. Кг. 563.

⁶⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 25–26.

В Дечине эти агенты обратили на «бухгалтера» внимание пограничников и таможенников, которые досмотрели его багаж, извлекли оттуда машинописные листы, оказавшиеся переводом из чехословацких газет, и обнаружили запечатанный пакет, адресованный Чичерину. Пакет таможенники не решились вскрыть, но потребовали, чтобы Вишнеvский его отдал, так как в паспорте не было отмечено разрешение на его провоз. Затем Вишнеvским занялась полиция, и после длительных пререканий и взаимных угроз ему вернули паспорт и пакет⁶⁸.

Несмотря на обещания Бенеша, выпады против Гиллерсона и миссии в печати продолжались. 13 октября на его квартиру явилась группа легионеров и заявила дворнику, что Гиллерсон должен немедленно убраться, иначе будет повешен⁶⁹. 22 октября на митинге правых легионеров было принято постановление требовать удаления Гиллерсона и лишения миссии права пользоваться шифром и радио, было сделано предупреждение, что если правительство будет бездействовать, то они сами примут меры⁷⁰. Гиллерсон рекомендовал Чичерину категорически потребовать от Бенеша самого строгого соблюдения экстерриториальности в отношении себя и всех сотрудников миссии, объяснения и удовлетворения по поводу инцидента с Вишнеvским и «вообще по поводу травли»⁷¹. Гиллерсон считал, что причина перемены отношения к нему лично и к миссии кроется в неудачах Красной армии на польском фронте, в происках Антанты, которая якобы потребовала его удаления, во влиянии на Бенеша лидеров партии эсеров Осипа Соломоновича Минора (1861–1932), Владимира Михайловича Зензинова (1880–1953), Владимира Ивановича Лебедева (1883–1956), приехавших в Прагу осенью 1920 г.⁷²

Одной из причин изменения отношения к миссии чехословацкого правительства Гиллерсон считал и окончательный раскол ЧСДРП на правицу и левицу, который произошел на XIII съезде 25–28 сентября 1920 г. В донесениях в Москву Гиллерсон подчеркивал, что правица присоединилась к критике внутренней и внешней

⁶⁸ AMZV. II. sekce – 2. Kř. 563.

⁶⁹ АВР РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 41.

⁷⁰ Там же. Л. 39.

⁷¹ Там же. Л. 40.

⁷² Там же. Л. 36.

политики большевиков, используя для этого печать, партийные мероприятия, трибуну Национального собрания. Один из лидеров правицы Антонин Немец (1858–1926) заявил в Национальном собрании:

Чешские социал-демократы не могут разделять взгляды коммунистов. <...> Русская советская республика за три года своего существования принесла пролетариату лишь неизмеримые страдания и муки. <...> Мы от Ленина инструкций не хотим и не нуждаемся в них⁷³.

На съезде ЧСДРП (правицы) 27–29 ноября 1920 г. (также названным XIII съездом) Франтишек Соукуп (1871–1940), докладывая о ситуации в партии, видел причину раскола социал-демократии, которая могла стать ведущей партией в ЧСР, в том огненном факеле, который Москва бросила в пролетариат всего мира. «Русские коммунисты хотят стать диктаторами мировой революции. <...> Мы не подчинимся III Интернационалу, не позволим командовать собой московскому централизму», — сказал Соукуп⁷⁴. Широкий резонанс в прессе вызвало выступление на съезде Я. Полаха, который накануне съезда только вернулся из Советской России. Он обличал советскую действительность и заявил, что «в России нет и в помине коммунизма»⁷⁵.

В отчете советской миссии Красного Креста за ноябрь 1920 г. отмечено, что «за правицей стоит почти половина членов бывш[ей] с[оциал]-д[емократической] партии». А в Национальном собрании ЧСР депутаты от правицы преобладают: «В парламенте из 80 депутатов с[оциал]-д[емократов] в клуб левицы входит лишь 22. В сенате почти все с[оциал]-дем[ократы] принадлежат к правице»⁷⁶. Относительно левицы указывалось, что «по своему составу и настроению она все еще крайне неопределенна», что при первом же более или менее решительном выступлении среди нее вполне возможен раскол: «Есть в ней группы, как например [в] Кладно, которые являются определенными и открытыми коммунистами, но среди ее руководителей есть и такие, которые или стыдятся названия коммунист, или

⁷³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53928. Л. 27.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. Л. 27–28.

⁷⁶ Там же. Л. 28.

стараятся как-нибудь этот неприятный вопрос [замолчать]. Надежда на мирный переход к социализму глубоко сидит в сердцах многих левачаков»⁷⁷.

Гиллерсон не верил в революционность рабочих Чехословакии. 22 октября он писал Чичерину:

Решимости революционного действия я что-то не жду. Психика чехов мне напоминает их национальное блюдо — кнедлики — это непроваренное тесто, липкое, вязкое, тягучее. Любимое блюдо — *verřove s knedlikem* — жирная свинина с кнедликами. Народ, который ест много жиру и углеводов, получает мало стимулирующих солей и экстрактивных веществ, — едва ли способен на революционный энтузиазм⁷⁸.

«Ваши сведения из белого стана очень интересны и важны»

После уличения сотрудников миссии в причастности к подрывной деятельности против чехословацкого государства и скандалов в прессе круг источников информации Гиллерсона резко сузился. Тучек, несмотря на то что получил полномочия от Наркомата внешней торговли РСФСР, избегал сотрудничества с миссией и заявил Гиллерсону, что поступает на частную службу⁷⁹. На работе миссии не мог не сказаться и уход Якобсона, единственного сотрудника, владевшего чешским языком и имевшего связи с деятелями науки и культуры ЧСР. 15 октября в связи с поступлением в Карлов университет он оставил службу в миссии. Гиллерсон просил Чичерина не ставить уход Якобсону в вину⁸⁰.

В донесениях главы миссии РОКК в НКВД в октябре-ноябре 1920 г. почти нет упоминаний о встречах с чехословацкими политиками, представителями деловых кругов, прессы. Донесения, как и обзоры внешней и внутренней политики ЧСР, регулярно направляемые миссией в Москву, составлялись преимущественно по материалам печати, публикациям выступлений Бенеша, дебатов в парламенте. На основе их анализа в обзоре миссии за ноябрь 1920 г. был сделан вывод, что среди чехословацких политических партий

⁷⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53928. Л. 28.

⁷⁸ Там же. Д. 53925. Л. 6–7.

⁷⁹ Там же. Д. 53927. Л. 59; П. 274. Д. 53932. Л. 17.

⁸⁰ Там же. П. 273. Д. 53925. Л. 8.

в отношении к Советской России существует три течения. Первое течение представляет левиза, которая «за полное единение с Сов[етской] Россией». Второе течение: чехословацкое правительство, ЧСДРП (правиза), национальные социалисты, аграрии выступают «за нейтралитет, за мир с Россией, но против большевистского правительства, которое должно скоро пасть не от интервенции, а от внутренних противосоветских народных сил». Большевиков должно сменить демократическое правительство, которое будет представлено в первую очередь эсерами, меньшевиками и кадетами. И третье направление представляет Карел Крамарж (1860–1937), который «все время стоял и теперь стоит за интервенцию против Сов[етской] России»⁸¹.

Такой уровень информирования явно не удовлетворял Москву. 29 ноября Чичерин, выказывая недовольство, наставлял Гиллерсона: «Не настало ли время для Вас в Праге выйти из Вашей политической изолированности, завязать побольше сношений, возобновить отношения с Бенешем и Масариком и вообще войти больше в политическую жизнь?» Нарком не верил, чтобы «при нашем блестящем положении <...> не было в чешском политическом мире стремления с нами сблизиться». Чичерин также рекомендовал Гиллерсону обратить внимание на Югославию, и спрашивал, почему ничего не вышло с планом возобновления отношений с Белградом. Нарком упрекал Гиллерсона:

Получилось известие, что Югославия будет убежищем для армии Врангеля. Этого не было бы, если бы мы там были представлены, ибо сербское общество полно к нам сочувствия, так что Трумбичи и Веснич⁸² не посмели бы на это идти, если бы мы там, на месте, против этого боролись. Надо подчеркивать, что основной принцип нашей политики есть взаимность⁸³.

Одновременно Чичерин возлагал на миссию Гиллерсона обязанность вести работу среди бывших легионеров и в рядах русской эмиграции. 24 октября нарком писал в Прагу:

⁸¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53928. Л. 31.

⁸² Анте Трумбич — с 18 декабря 1918 г. по 22 ноября 1920 г. министр иностранных дел, а Миленко Веснич (1863–1921) — с 16 мая 1920 г. по 1 января 1921 г. премьер-министр Югославии.

⁸³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53924. Л. 8.

Легионеры частично прозревали и начинали понимать свою роль и действительный смысл Советской Республики. Этому настроению надо идти навстречу, давать понять, что мы оценили совершившийся поворот, стараться использовать результаты. Вообще Ваши сведения из белого стана очень интересны и важны. Постарайтесь развивать эти связи. Дайте побольше сведений о сочувствующих нам офицерах. Вообще Прага стала эсеровским центром: нельзя ли это побольше использовать, нельзя расширить влияние на кающихся интеллигентов и извлечь из их числа тех, которые могли бы нам оказывать услугу[?]»⁸⁴.

Гиллерсон развернул весьма активную деятельность в этом направлении. Сведения об эсерах в докладах миссии очень подробны, что наводит на мысль о том, что в их рядах нашлись те, кто оказывал услуги.

Особый интерес в Москве проявили к вернувшемуся из Сибири генералу Радоле Гайде (1892–1948), о котором в октябре 1920 г. Гиллерсон, ссылаясь на достоверные источники, сообщил в НКВД, что «он не прочь оказать нам услуги». Гиллерсон писал Чичерину:

Есть основание допустить, что Гайда готов поступить на советскую службу. Если бы это подтвердилось, и Москва была бы согласна, необходимо будет устроить ему проезд в Москву инкогнито. Несомненно, Гайда честолюбец авантюрной складки, но не без демократического радикализма и, по-видимому, желает связать свое имя с левым движением⁸⁵.

В то время Гайда собирался ехать в военную академию в Париж, и Гиллерсон считал, что его сведения оттуда, в силу его близости к высшим военным французским кругам, были бы полезны⁸⁶. Как только это сообщение было расшифровано, Чичерин сразу же написал Гиллерсону:

Нам еще не удалось выяснить, допустим ли приезд Гайды в Москву. Спешу Вам сообщить, однако, что мы приписываем серьезное значение сношениям с ним и просим Вас отнестись к этим сношениям со всей заботливостью и поддерживать их <...>, надо идти навстречу его левым поползновениям, надо использовать происшедший у него в Сибири разлад с Колчаком и другими крайними правыми⁸⁷.

⁸⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53924. Л. 11.

⁸⁵ Там же. Д. 53927. Л. 33.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. Д. 53926. Л. 11.

26 октября Чичерин сообщил Гиллерсону, что разрешение на приезд Гайды в Москву получено, однако якобы неудобно к нему обращаться с приглашением, «но если он сам обратится к нам и предложит приехать сюда, мы не будем возражать». Нарком просил Гиллерсона выяснить, каковы могут быть предложения Гайды, рекомендуют ли при этом проявлять осмотрительность: «Позаботьтесь, чтобы инициатива исходила от него, а не от нас»⁸⁸. Последовавшие переговоры советского представителя с чехословацким генералом покрыты тайной. Только 4 ноября Гиллерсон в шифровке с грифом «Совершенно секретно» сообщил Чичерину о предстоявшем отъезде Гайды (в шифровке — Таиды) в Париж и его обещании через месяц передать «информацию о планах французского генерального штаба»⁸⁹.

Гиллерсон имел своих людей в ставке лидера Украинской народной республики Симона Васильевича Петлюры (1879–1926), сообщал о передвижении петлюровских воинских подразделений, попытках их проникновения на территорию Советской Украины с указанием численности, вооружения, имен и особых примет атаманов, документов, которыми они снабжены, места и времени перехода границы⁹⁰. Гиллерсон получал информацию и копии документов из миссий УНР в Праге и в Берлине. Он имел информаторов среди агентов Врангеля. Сообщал в Москву о связях Врангеля с повстанческими организациями на юге России, на Украине, в Приднестровье, за границей⁹¹. Ему удалось установить, что агенты Врангеля были в Московской ЧК и даже в ВЧК⁹².

Ссылаясь на своих «корреспондентов» в Румынии и Польше, Гиллерсон в ноябре 1920 г. сообщал Чичерину о забастовках в Румынии, о повстанческом брожении в Восточной Галиции, которое «следовало бы использовать»⁹³.

Однако по вопросу «о пределах и направлении конспиративной работы» у Гиллерсона возникли разногласия с Вишневым, который обвинил главу миссии «в правизне» и, сославшись на полномочия Коминтерна, создал свою агентурную сеть. Служащим миссии,

⁸⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53926. Л. 12.

⁸⁹ Там же. Д. 53927. Л. 47.

⁹⁰ Там же. Л. 44, 60.

⁹¹ Там же. Л. 35.

⁹² Там же. Д. 53928. Л. 16.

⁹³ Там же. Д. 53927. Л. 57–58.

работавшим на него, Вишнеvский доплачивал из своих средств⁹⁴. Очевидно, не имея достаточного веса в НКВД, Вишнеvский от имени миссии вызвал в Прагу председателя Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) Я. Петрлика-Салата под предлогом, что он должен вернуться на партийную работу в Чехословакию. Когда в ночь с 5 на 6 ноября Петрлик-Салат нелегально прибыл в Прагу, оказалось, что о его вызове никто не знал, ни лидер левицы Шмераль, ни Гиллерсон. Вишнеvский, изворачиваясь, обвинил в создавшейся путанице Шмералья⁹⁵. Подлинная причина вызова, видимо, заключалась в том, чтобы опорочить Гиллерсона в глазах влиятельного в московских кругах чешского коммуниста. 10 ноября Петрлик-Салат писал в НКВД заведующему подотдела Центральной Европы Игнатию Семеновичу Якубовичу (1881–1941):

Вишнеvский жаловался <...> на Гиллерсона, что он дело ведет слабо. Говорит мне в отсутствие Гиллерсона, что было бы хорошо Гиллерсона затребовать в Москву, так как он слишком будто боится.

У Петрлика-Салата сложилось впечатление, что Вишнеvский по сравнению с Гиллерсоном обладал большей информацией и лучше ориентировался в обстановке. Он работал, писал Петрлик-Салат, в постоянном контакте «со всеми нашими товарищами», всем интересовался, стремился как можно тщательнее вникнуть в положение дел и сумел «больше наладить дело информации»⁹⁶. На предложение Петрлика-Салата больше информировать НКВД Вишнеvский ответил, что Наркоминдел дал такое поручение Гиллерсону, а не ему, и «что если Чичерин или Вы хотите больше информации, прикажите это дело официально [вести] ему, Вишнеvскому, тогда он будет информировать»⁹⁷.

Как и рассчитывал Вишнеvский, информация была доведена до сведения руководства НКВД. С письмом Петрлика-Салата ознакомились Чичерин и его заместитель Лев Михайлович Карахан (1889–1937). Неизвестно, когда Вишнеvский получил поручение информировать НКВД, но 3 декабря 1920 г., находясь в Берлине, он

⁹⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 33.

⁹⁵ Там же. Ф. 0138. Оп. 3. П. 102. Д. 4. Л. 7.

⁹⁶ Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53928. Л. 16–17.

⁹⁷ Там же. Л. 17.

конфиденциально сообщил в письме Якубовичу о плачевном положении советской миссии в Праге:

Дело в том, что, собственно говоря, мы совершенно не существуем, с нами никто не считается и о миссии Красного Креста, как таковой, говорят или пишут, а пишут очень много, только тогда, когда можно ругать. <...> Министерство иностранных дел с Бенешем во главе совершенно не обращают на нас никакого внимания, в то время как министерство внутренних дел сильно нами озабочено.

Он жаловался, что канцелярия миссии находится в здании Чехословацкого общества Красного Креста, что в соседней комнате расположились агенты полиции, которые допрашивали всех приходивших. По его словам, выходявших тоже подвергали допросам, более того — обыскам, арестам и даже якобы высылкой из страны. То же самое происходило и в гостинице «Империал», где жили некоторые сотрудники миссии. Все они находились под круглосуточным надзором полиции. Вишневский сообщил о своем аресте на границе, а Гиллерсон, по его мнению, не принял действенных мер, ограничившись лишь «вежливым» письмом Бенешу. Вишневский писал:

Вообще, с нашей стороны не делается ни одного шага для поддержания престижа миссии как представительства РСФСР, а исключительно по личному вопросу (так в документе. — *Н. С.*). При такой д и п л о м а т и и далеко, конечно, не заедем. <...> Приходится иногда решать вопросы самостоятельно, захватом⁹⁸.

Иными словами, без согласования с Гиллерсоном и вообще миссией. Вишневский вместе с письмом передавал Якубовичу фотографии чешских разведчиков в России, правда, сомневаясь в достоверности информации. В то же время он был убежден, что чехословацкая разведка в Советской России работает на Францию и что в Праге по этому вопросу многое можно было выяснить:

При известной инициативе и при размахе можно было бы всю нашу разведку поставить как следует, но, к сожалению, ни одного, ни другого у нашего д-ра нет. За деньги все можно достать, а денег нет и их жалеют.

⁹⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53923. Л. 1–2.

Вишневский сообщал о своих попытках наладить издание газеты «Правда», два номера которой он передал вместе с письмом курьеру, а также о трудностях из-за недостатка людей и денег⁹⁹.

В письме от 4 января 1921 г. Вишневский написал Якубовичу, что за прошедший месяц «в нашей миссии ничего не изменилось. Все тот же застой, безразличие, отсутствие всякого почина». Как и в предыдущем письме, в нем содержатся нападки на Гиллерсона. Письмо интересно тем, что в нем описывается всеобщая забастовка в Чехословакии в декабре 1920 г.¹⁰⁰ Вишневский считал ее «генеральной пробой чешского пролетариата и смотрам коммунистических сил»¹⁰¹. Гиллерсон же относительно декабрьских событий высказался отрицательно, раскритиковав их, и «указал, что чешские так называемые коммунисты сделали большую глупость, призывая пролетариат к выступлению и забастовке накануне праздников, благодаря чему коммунисты потерпели поражение»¹⁰².

Вишневский жаловался на Гиллерсона не только в НКИД, но и в Наркомат внутренних дел председателю Центроэвака Александру Владимировичу Эйдуку (1886–1938), который ответил ему, что эти вопросы уже обсуждаются¹⁰³.

«...мне было бы приятно, если бы Гиллерсон уехал»

К концу 1920 г. в Москве пришли к мнению, что Гиллерсон не самая подходящая фигура для ведения дел в Праге. 30 декабря в беседе с полномочным представителем Чехословацкого Красного Креста в РСФСР Й. Скалой замнаркома по иностранным делам М. М. Литвинов признал, что частично вина за недоразумения и конфликты в Праге лежит на Гиллерсоне, и дал понять, что его намерены заменить¹⁰⁴.

Отвечая на сообщение Скалы о беседе с Литвиновым, Бенеш 3 января 1921 г. написал, что ему «было бы приятно, если бы

⁹⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53923. Л. 2. К сожалению, не удалось установить, на каком языке и каким тиражом издавалась газета, кто фигурировал в качестве ее издателя.

¹⁰⁰ О забастовке см., например: Kárník 2003: 142–146.

¹⁰¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53923. Л. 4.

¹⁰² Там же. Л. 5.

¹⁰³ Там же. Л. 1.

¹⁰⁴ DČZP. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Sv. 1. S. 386. Dok. 249.

Гиллерсон уехал». Бенеш считал, что, принимая во внимание «коммунистические бури у нас», имея в виду декабрьские события, «мы должны быть более твердыми по отношению к большевистским делам, чем прежде». Если Гиллерсон «не уедет сам, то его надо будет выслать», — писал министр. Бенеш считал, что Гиллерсон как глава миссии Красного Креста «почти не принимал участия в работе»: «Репатриацию провели мы сами, а не он». Министр рекомендовал разъяснить советской стороне, что в вопросах экономического сотрудничества Гиллерсон «тоже не может иметь успеха», что эту работу мог бы осуществлять в Праге Тучек, которому правительство ЧСР оказало бы содействие¹⁰⁵.

Через несколько дней вопрос об отзыве Гиллерсона был решен. 14 января Чичерин сообщил ему, что «имеются в виду некоторые планы, связывающие Вас с другим местом и перенесением Вашей деятельности из Праги в другую страну». На должность нового представителя РСФСР в Праге выдвигалась кандидатура бывшего члена Реввоенсовета Республики Семена Ивановича Аралова (1880–1969). Кадровые перестановки нарком объяснял изменением характера представительства, которое «из краснокрестного должно превратиться в нормальное политическое представительство». Якобы в момент назначения Гиллерсона в Прагу это было преждевременно, поскольку правительство ЧСР в то время еще не могло вступать с РСФСР в дипломатические отношения и приглашать к себе советское дипломатическое представительство. «С тех прошло достаточно времени, и в данный момент от краснокрестного типа можно будет по-видимому скоро перейти к дипломатическому типу сношений», — писал Чичерин¹⁰⁶.

В этом письме нарком поручил Гиллерсону разоблачать слухи об агрессивных намерениях советского правительства, о сосредоточении сил Красной армии против прибалтийских государств. «Надо указывать на VIII съезд Советов, как на яркое проявление того, что вся Советская Россия поглощена задачами хозяйственного восстановления и мирного труда», — подчеркивал Чичерин. Толки же о якобы сосредоточении войск против прибалтийских государств вызваны их передислокацией после завершения боевых действий на польском

¹⁰⁵ ДМИСЧО. Т. 1. С. 391–392. Док. 344.

¹⁰⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 1.

фронте, что привело к появлению некоторых частей там, где их раньше не было. Эти мероприятия противниками Советской России выдаются, как «якобы сосредоточение наших войск против наших соседей, на которых в действительности мы несколько, разумеется, и не думаем нападать и с которыми мы всячески стараемся установить самые дружелюбные отношения»¹⁰⁷.

Отвечая на это поручение и другие подобные ему, Гиллерсон 7 февраля 1921 г. писал в НКВД:

В заграничном представлении вообще, в Чехословакии, в частности, Коминтерн конгруирует с Москвой, Исполнительный комитет III Интернационала отождествляется с советским правительством, агрессивность коммунистического авангарда пролетариата претворяется в агрессивность Советской России.

По его мнению, «разомкнуть этот круг представлений и сопоставлений невозможно». Повсюду господствуют убеждения об участии руководителей Коминтерна, ЦК РКП(б) в правительственной деятельности, о влиянии этих органов на политику советского государства, использующего все средства, чтобы «вызвать революционное движение во всей Европе, во всем мире (и даже в его окрестностях)»¹⁰⁸. Отсюда недоверие к заявлениям советского правительства о демобилизации Красной армии, об оборонительном характере военной политики, о стремлении к хозяйственному строительству и т.д. «Все резолюции в этом смысле, мол, лишь для отвода глаз, — писал Гиллерсон. — <...> Не только нашу дипломатию считают тайной, но и всю правительственную деятельность конспиративной»¹⁰⁹. Он подчеркивал, что следствие по делу коммунистов после декабрьских выступлений установило компрометирующую их связь с Москвой, чем не замедлил воспользоваться Бенеш, обвинив Советскую Россию во вмешательстве во внутренние дела страны¹¹⁰.

В письме Гиллерсон позволил себе, по его собственному признанию, «еретическое отступление», выразив сомнение в целесообразности в то время мировой революции. Наблюдая хаос и экономическую разруху, вызванные революцией в России, он предполагал, что

¹⁰⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 1.

¹⁰⁸ Там же. Д. 53929. Л. 1.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. Л. 3.

«революционное движение за границей расстроит и там хозяйство на более или менее продолжительный срок», и «помощи оттуда получить мы не сумеем». А без заграничной технической помощи в широких масштабах не удастся ни наладить хозяйственную жизнь, ни осуществить электрификации, которая рассматривалась как предпосылка для успешного коммунистического строительства. Гиллерсон считал:

Не наладив нашего хозяйства, мы обречены на гибель. Погибнет первое показательное социалистическое государство, которое могло бы служить самым сильным, самым убедительным революционизирующим примером для мира¹¹¹.

В обзоре миссии от 8 февраля отмечалось, что в последнее время Бенеш неоднократно заявлял как о невмешательстве Праги во внутренние дела Советской России, так и о недопустимости антигосударственной пропаганды, которую до сих пор Москва вела в Чехословакии. Он уверял, что идея интервенции всеми похоронена, но, если большевики перейдут в наступление, Чехословакия всеми силами будет обороняться — армия наготове. В обзоре подчеркивалось, что по сравнению с августом 1920 г. в заявлениях министра это — «новая нотка»:

Бенеш не без влияния увивающихся вокруг него эсеров больше решительно не верит в жизнеспособность советского режима и уверен во внутреннем перевороте, за которым после более или менее длительного периода тяжелой анархии последует предположительно установление демократического режима.

Если в дни наступления Красной армии на Варшаву печать, близкая Бенешу, серьезно считалась с перспективой советизации Польши, и, несмотря на французское давление, не могло быть и речи о какой бы то ни было поддержке Польши со стороны Чехословакии, то теперь Прага утратила веру в военную мощь Советской России, а после неудачного выступления в декабре левицы — и в силу коммунистического движения в собственной стране. Но главную причину «враждебного тона в отношении России» в советской миссии видели в том, что чехословацкий министр «пришел к убеждению

¹¹¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 4.

неминуемого союза будущей России (безразлично, советской ли, монархической ли, или “третьей” кадетско-эсеровской) с Германией, союза, прежде всего, направленного к сокрушению Версальского мира»¹¹². Бенеш тесно связывал свою политику в отношении Советской России с политикой Антанты, поэтому он приветствовал «признание Антантой окраинных государств», возмущался «советской политикой на Кавказе, умело используя при этом фразеологию русских эсеров», наконец, «назойливо» заигрывал с Польшей, «несомненно, рассчитывая на важность средневропейского противорусского кордона (Польша, Чехословакия, Румыния) и лишь вычеркивая из такового кордона звено опасное для Чехословакии — Венгрию»¹¹³.

В обзоре отмечалось, что политику Бенеша в отношении Советской России поддерживает большинство чехословацких партий. Против нее выступает только левица. Кроме того, в обзоре указывалось на особую позицию одного из лидеров правых социал-демократов А. Немеца, который, хотя и одобрил основные постулаты внешней политики Бенеша, но в то же время подчеркнул, что в некоторых пунктах чехословацкая социал-демократия с ними расходится. По мнению Немеца, западной ориентации для внешней политики Чехословакии недостаточно, нельзя сбрасывать со счетов Россию. Он считал, что возможность советско-германского союза не должна вызывать опасений, поскольку Чехословакия могла бы к нему присоединиться¹¹⁴.

С такой характеристикой внешней политики ЧСР в отношении Советской России Чичерин не мог согласиться. Нарком, по-видимому, считал, что для объективной оценки внешней политики Праги круг источников информации Гиллерсона слишком узок. Очевидно, поэтому Чичерин поручил сотруднику миссии И. И. Левину обратиться к своему университетскому товарищу, известному историку-слависту профессору Николаю Владимировичу Ястребову (1869–1923). Ястребов был профессором Карлова университета, обладал связями не только в университетских, но и в политических кругах ЧСР и мог быть источником важных сведений¹¹⁵. В письме же Гиллерсону нарком 23 февраля написал, что его оценки политики

¹¹² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53937. Л. 2–3.

¹¹³ Там же. Л. 3.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. Д. 53929. Л. 5.

Бенеша не совсем сходятся с «до сих повторяющимися публичными выступлениями, в которых он (Бенеш. — *Н. С.*) подчеркивает, что не питает никаких планов против Советской России, и что Чехословакия будет держаться в стороне от всяких направленных против нас планов и комбинаций». Чичерин упрекнул Гиллерсона в том, что он недооценивает значение выступления Немеца, которое свидетельствует, что «имеется довольно-таки сильное давление на чешское правительство в благоприятном для нас смысле». Нарком также настаивал на необходимости «использовать Прагу для хотя бы первоначального контакта с различными правительствами Юго-Восточной Европы»¹¹⁶.

Гиллерсон, однако, оставался при своем мнении в оценке политики ЧСР в отношении Москвы, выражая убежденность «в готовности Бенеша вступить во всякую антисоветскую коалицию с “профилактической” целью на случай “красной опасности” с нашей стороны». Он считал, что Чичерин преувеличивает значение выступления Немеца, предполагая, что «имеется какая-то сила, оказывающая благоприятное для нас влияние»¹¹⁷. Заявление Немеца не только в парламенте и в печати прошло незаметно, но даже в своей партии он оказался в одиночестве. «Какой-либо организованной, активной в теперешней правительственной политике, благоприятной для нас силы я, может быть и ошибаюсь, не вижу», — написал Гиллерсон. Он считал, что Бенеш осознавал, что любые агрессивные действия против России не встретят сочувствия не только среди рабочего класса, но и всего населения, испытывавшего пиетет к России. Гиллерсон отметил русофильские настроения и у некоторых ответственных сотрудников министерства иностранных дел ЧСР, в частности, у заместителя Бенеша Вацлава Гирсы (1875–1954), с которым ему приходилось часто общаться. Сам Гирса, по словам Гиллерсона, предпочитал видеть Россию как «единую, неделимую и великую» и не мог смириться с суверенитетом бывших окраин. Бенеш же — западник, «убежденный антибольшевик», готовый, по мнению Гиллерсона, «столкнуться со всякими антибольшевистскими группами». Ссылаясь на достоверные источники, он уверял, что Бенеш отпускал средства на издание эсеровской газеты «Воля России», заигрывал с украинскими

¹¹⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 2.

¹¹⁷ Там же. Д. 53929. Л. 12.

эмигрантами, причем вел одновременно переговоры как с лидером УНР Петлюрой, так и с лидером Западноукраинской народной республики Евгением Емельяновичем Петрушевичем (1863–1940), находившимся в Праге¹¹⁸. Гиллерсон упрекнул Чичерина, что тот совершенно не реагировал на его сведения по украинским делам, которые он регулярно направлял в Москву. «Это отдает каким-то пренебрежением к работе Вашего сотрудника», — писал Гиллерсон наркому¹¹⁹.

Со своей стороны Чичерин ставил в укор Гиллерсону то, что он не проявил достаточной заботы о престиже миссии. На эти обвинения Гиллерсон ответил:

Престиж миссии, когда это нужно было, своевременно и в достаточной мере мною ограждался. <...> Нашей экстерриториальности фактически не нарушают. К моим требованиям относятся довольно предупредительно. Если меня окружают шпики, то ведь это, конечно, [по] взаимности. Не можем отрицать, что Скала также окружен шпиками.

Посетители чехословацкой миссии Красного Креста в Москве тоже арестовывались ЧК¹²⁰. Догадываясь, что Чичерин, обвиняя его, основывался на доносах, Гиллерсон написал: «Позволю себе рекомендовать коллегии [НКВД] строить свои выводы и предпринимать соответствующие шаги лишь на основании информации, исходящей непосредственно от меня. Ко всяким же другим источникам просил бы относиться осторожнее». Он посоветовал, чтобы любые сведения из Праги проверялись у него, а любителям доносить было бы рекомендовано «заниматься собственными делами, тем более что у них не все благополучно»¹²¹. Гиллерсон просил больше информировать его о внутренней и внешней политике советского государства. «Ведь пока я еще здесь, я должен быть осведомлен», — написал он наркому 2 марта 1921 г.¹²² Гиллерсон просил ежедневно по радио сообщать ему самые существенные сведения о хозяйственной жизни РСФСР. Он собирался выпускать бюллетень на чешском языке, рассчитывая таким образом хотя бы отчасти нейтрализовать сообщения

¹¹⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 13.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. Д. 53932. Л. 58.

¹²¹ Там же. Л. 56.

¹²² Там же. Л. 58.

чехословацкой печати, что экономическая разруха в Советской России достигла ужасающих размеров¹²³.

Чичерин, невзирая на ответ Гиллерсона, продолжал настаивать на своем требовании поддерживать престиж миссии. 7 марта он написал в Прагу:

Вопрос о поддержке достоинства нашего представительства поставлен не только отдельными инцидентами, о которых мы слишком мало осведомлены, но всею обстановкою существования нашего представительства. Нельзя допускать, чтобы наше представительство ютилось где-то под чердаком в гостях у чужого учреждения даже без собственного официального помещения. <...> Нельзя допустить, чтобы сотрудники нашего представительства жили где-то совершенно оторвано и разрозненно, не составляя единого целого как официальная делегация. Нам нужно обязательно добиться, чтобы у нас было официальное помещение, где помещалась бы делегация как таковая, и где она была бы хозяйном. Где же экстерриториальность, если делегация помещается у чужих людей. Элементарные требования представительства, т.е. иммунитет и экстерриториальность должны быть проведены. Без этого никакое представительство недопустимо¹²⁴.

Гиллерсон вынужден был оправдываться, доказывая, что миссия «не уютится где-то под чердаком», а располагается на том же этаже, где и президиум Чехословацкого Красного Креста во главе с А. Масарик. Он разъяснил, что в Праге не хватает помещений для иностранных миссий и многие посольства размещены в гостиницах. Гиллерсон считал, что было бы большой тактической ошибкой ждать, пока найдется подходящее помещение, «так как было необходимо начать работу по делам военнопленных»: «Среди пленных всякое промедление вызвало бы недовольство и недоумение чехов». Поэтому предложение Чехословацкого Красного Креста, предоставившего часть своего помещения, который сам был стеснен, он расценивал как любезность, а не «как умаление нашего престижа». Что же касается проживания сотрудников миссии, то вначале все они разместились в одной гостинице, а затем некоторые переселились на квартиры, руководствуясь личными соображениями и желаниями. Вопреки мнению наркома,

¹²³ АВР РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 42, 57.

¹²⁴ Там же. Л. 49.

Гиллерсон не видел никакого нарушения экстерриториальности в таком положении миссии¹²⁵. Сознывая, что замечания и упреки Чичерина обращены к нему лично, Гиллерсон 30 марта написал наркому:

Я в дипломатические представители не тянулся и не тянусь, к дипломатической деятельности я не готовился. Правда, к ней не готовились и все прочие наши заграничные представители. Они, вероятно, обладают прирожденными дипломатическими дарованиями, если таковые вообще существуют. <...> Конкурировать ни с кем не собираюсь. Если мне докажут, что каждый из них на моем месте мог бы добиться большего, — спорить не посмею. Что же, не моя вина, а моя беда. Но против Ваших упреков, основанных лишь на вздорных кривотолках, без проверки, без выяснения обстановки и реальных возможностей — спорю и самым решительным образом их отрицаю¹²⁶.

Недоверие и постоянные упреки со стороны наркома тяготили Гиллерсона. К тому же возникли проблемы в самой миссии. В марте в Германию сбежал секретарь миссии Н. А. Кузьмин. В письме Карахану Гиллерсон 31 марта написал, что никакого вреда советской власти он принести не сможет, так как политикой он не интересовался и никаких тайн миссии не знал¹²⁷. Обострились отношения с Вишневым. Гиллерсон жаловался Чичерину и Карахану, что Вишневский уклоняется от его контроля, «ссылаясь на непосредственные свои сношения с Берлином». «Я этого допустить не могу, т. к. он является официальным сотрудником миссии, и его промахи могут скомпрометировать миссию», — писал Гиллерсон в НКВД¹²⁸. Он сомневался в достоверности сведений, поставляемых Вишневым, опасался провокации и просил наркома срочно принять соответствующие меры¹²⁹.

В апреле 1921 г. завершились советско-чехословацкие переговоры об обмене торговыми миссиями, которые велись вначале Скалой в Москве, а затем Л. Тучеком и Вацлавом Чехом (1890–1942) с Литвиновым в Ревеле. Заминка возникла в связи с кандидатурой советского торгового представителя, поскольку первоначальное предложение советской стороны назначить на этот пост С. И. Аралова было встречено ожесточенной критикой в чехословацкой прессе,

¹²⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 73, 75.

¹²⁶ Там же. Л. 74.

¹²⁷ Там же. Д. 53929. Л. 6.

¹²⁸ Там же. Л. 21.

¹²⁹ Там же. Д. 53932. Л. 78.

утверждавшей, что он был начальником оперативного штаба пензенской группы большевиков, действовавших против чехословацких легионеров в Сибири. Поэтому Скале была высказана просьба, чтобы он добился у советского правительства замены кандидатуры, так как в противном случае деятельность Аралова в Праге была бы затруднена нападками на него чехословацкой печати. По этому поводу были сделаны представления и Гиллерсону¹³⁰. В качестве ответной меры Чичерин предложил отводить кандидатуры всех легионеров. Но Гиллерсон считал «огульный отвод легионеров неправильным и нецелесообразным», поскольку среди них были те, кто не сражался против советской власти, кто был искренне расположен к Советской России¹³¹. С этим мнением в конечном итоге Чичерин согласился¹³².

В начале переговоров об обмене торговыми миссиями Литвинов настаивал на необходимости подписания торгового договора между двумя странами, который должен быть заключен до начала работы миссий. Но у В. Чеха создалось впечатление, что советской стороне «гораздо важнее произвести обмен миссиями и по возможности подписать договоры, чем действительно торговать». Поэтому 29 марта он предложил Литвинову пока не заключать специальный торговый договор и ограничиться только временным соглашением, которое установило бы права и обязанности миссий, а затем миссии непосредственно занялись бы подготовкой торгового договора, с чем советский представитель согласился¹³³. В. Гирса подготовил проект такого соглашения, который 15 апреля был принят Москвой¹³⁴. Главой учреждаемой торговой делегации РСФСР в ЧСР был назначен Павел Николаевич Мостовенко (1881–1938)¹³⁵.

Гиллерсон был оскорблен, что основные переговоры о назначении торговой миссии велись со Скалой и Чехом, ему же были поручены лишь различного рода согласования и уточнения в этой связи. Более того, НКВД даже не посчитал нужным должным образом информировать Гиллерсона о ходе этих переговоров, и от Гирсы он узнавал

¹³⁰ ДМИСЧО. Т. 1. С. 407. Док. 361.

¹³¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 154.

¹³² Там же. Д. 53933. Л. 17.

¹³³ ДМИСЧО. Т. 1. С. 408–409. Док. 362.

¹³⁴ Там же. С. 411–412. Док. 365; С. 415. Док. 368; АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53933. Л. 11–12.

¹³⁵ ДМИСЧО. Т. 1. С. 416. Док. 370.

больше, чем от Чичерина. «От Гирсы узнаю то, что он должен был бы узнавать от меня», — написал Гиллерсон наркому 25 апреля. Он напомнил Чичерину и о том, что о намерении Москвы его отозвать Скала и Бенеш узнали раньше него¹³⁶. Гиллерсон запросил отпуск, чтобы поехать в Австрию или Германию для занятий медициной¹³⁷.

«Это типичный общественный работник-интеллигент старого толка»

Тем не менее до приезда в июне 1921 г. торговой делегации во главе с Мостовенко в Прагу Гиллерсон занимал свой пост, выполнял поручения НКВД, регулярно посылал в Москву телеграммы и сообщения о текущих делах, о внутриполитическом и международном положении ЧСР. В экономических обзорах часто указывалось на отсутствие рынков сбыта, что привело к застою почти во всех отраслях промышленности Чехословакии, влекло за собой рост безработицы, сокращение рабочей недели, обострение рабочего вопроса. При анализе внутриполитической ситуации прежде всего отмечались сложные межнациональные отношения: между чехами и немцами, а также в Словакии и в Подкарпатской Руси, где имели место требования автономии и протесты против пражского централизма¹³⁸. Миссия составляла специальные обзоры о положении в Словакии и Подкарпатской Руси. В донесениях Гиллерсона и в письмах сотрудников миссии часто встречаются свидетельства об эксцессах «на почве немецко-чешских национальных раздоров». В то же время Гиллерсон не исключал возможности создания правительственной коалиции чешских и немецких политических партий и считал, что с немецкими политическими лидерами следовало поддерживать хорошие отношения. Когда к нему обратились пражские немцы с просьбой оказать содействие в возможно скором возвращении пленных немецкой национальности в Чехословакию, он просил Чичерина повнимательнее отнестись к этому вопросу, «так как в последнее время делаются попытки со стороны некоторых чешских видных политических деятелей привлечь немцев к участию в правительстве». Гиллерсон писал наркому:

¹³⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 110.

¹³⁷ Там же. Д. 53929. Л. 27.

¹³⁸ См., например: Там же. Л. 14, 34.

В случае вступления немцев в правительство можно ждать некоторой эмансипации от Антанты, главным образом — Франции, и некоторого поворота в нашу пользу. Скорейшим возвращением пленных мы можем лишь привлечь симпатии здешних немцев¹³⁹.

Особое внимание уделялось отношению чехословацких политических кругов к Советской России, развитию коммунистического движения в ЧСР, подготовке к образованию КПЧ. Гиллерсон проинформировал Москву и о трудностях, возникших накануне съезда левицы, намеченного на 15 мая, который должен был принять решение о присоединении к Третьему Интернационалу и преобразовании партии в коммунистическую, о разногласиях внутри левицы, а также между ее лидерами и эмиссарами Исполкома Коминтерна. 30 апреля он передал в Москву «для Бухарина и Коминтерна» протест лидеров чехословацкой левицы Антонина Заптоцкого (1884–1958), Богумира Шмерала, Бржетислава Гулы (1894–1964), Алоиза Муны, Ярослава Гандлиржа (1888–1942) и Милоша Ванека против действий представителей Коминтерна в Чехословакии Матяша Ракоши (1892–1971) и Дюлы Алпари (1882–1944). Лидеры чехословацкой левицы протестовали, во-первых, против их практики приобретать сторонников путем подкупа, во-вторых, против того, чтобы Исполком Коминтерна принимал решения на основе односторонней информации Ракоши и Алпари, просили лишить их мандатов и передать мандат для информации «кому-нибудь из русских товарищей»¹⁴⁰.

Гиллерсон передавал в Москву сведения по линии разведки и контрразведки: о чешских агентах в России, о способах передачи ими разведанных Скале, об их связях с французской разведкой¹⁴¹. Ссылаясь на сведения своего «корреспондента из Парижа», он сообщил о враждебном отношении к Советской России французских военных кругов:

Если мысль о непосредственной интервенции оставлена, то все же [имеется] большая готовность оказать помощь всякому повстанческому движению оружием и деньгами против Советской России¹⁴².

¹³⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 62.

¹⁴⁰ Там же. П. 274. Д. 53932. Л. 111.

¹⁴¹ Там же. Л. 6, 14.

¹⁴² Там же. Л. 32.

Несмотря на предстоявшее вскоре завершение миссии, Гиллерсон продолжал вынашивать проекты расширения и совершенствования разведывательной сети, охватывавшей Подкарпатскую Русь, Галицию и Польшу¹⁴³.

Он информировал Чичерина о реакции Праги на польско-румынский договор, на попытку реставрации власти Габсбургов в Венгрии, о подписании чехословацко-румынского и румыно-югославского договоров, завершивших формирование Малой Антанты, о чехословацко-польских отношениях, о политике ЧСР в связи с санкциями западных держав против Германии и с плебисцитом в Верхней Силезии. Чичерин просил сообщать больше сведений о внутривнутриполитическом положении Польши, об отношениях Петлюры и польского руководства, отмечая, что советская сторона стремится к сближению с Варшавой и поддерживает стремление «известной части польских правящих кругов к установлению с нами весьма тесных, в частности, экономических сношений»¹⁴⁴.

В последние месяцы пребывания Гиллерсона в Праге в его донесениях значительное место занимали украинские вопросы, в частности, чехословацко-украинские отношения. Он позаботился о том, чтобы и после его отъезда Москва получала регулярно информацию об украинской политической эмиграции. Свои связи в этих кругах он передал главе миссии УССР Михаилу Васильевичу Левицкому (1891–1933), прибывшему в Прагу 10 мая 1921 г. Обещал Гиллерсон ввести в курс украинских вопросов и Мостовенко, если тот пожелает, и познакомить его «с кем надо»¹⁴⁵.

В конце апреля 1921 г. с советским правительством пытались через Гиллерсона связаться русские эмигранты в Аргентине, желавшие вернуться на родину. Ставился вопрос о необходимости советского представительства в этой стране, так как бывшего царского консула эмигранты бойкотировали, а без российской визы пределы Аргентины покинуть было невозможно¹⁴⁶.

5 мая к Гиллерсону обратился бразильский консул в Праге с просьбой разрешить ему поездку в Москву для того, чтобы, во-первых, наладить дело информации, поскольку вся Южная Америка,

¹⁴³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 31.

¹⁴⁴ Там же. Ф. 0509. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 40.

¹⁴⁵ Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 28; Д. 53932. Л. 162.

¹⁴⁶ Там же. Д. 53932. Л. 109.

черная информация из французской буржуазной печати, имеет «самые превратные представления о Советской России», и, во-вторых, договориться об установлении непосредственных бразильско-советских торговых отношений. Со своей стороны консул предложил выдавать визы для беспрепятственной поездки советских представителей в Бразилию. О предложениях консула Гиллерсон информировал НКВД¹⁴⁷. В ответной телеграмме заместитель наркома М. М. Литвинов поручил Гиллерсону передать бразильскому консулу, что тот сможет получить визу для поездки в РСФСР тогда, когда Москва получит возможность послать своего консула в Бразилию¹⁴⁸.

Накануне отъезда Гиллерсона в Москву его посетил болгарский посланник в ЧСР. Посланник заявил, что поторопился нанести визит, который не прочь был сделать год тому назад, но тогда этому мешало формальный запрет Антанты на какие-либо контакты с советскими представителями. Теперь, по его словам, это стеснение свободного волеизъявления Болгарии аннулировано, и он нанес визит с ведома болгарского правительства, чтобы «успеть исправить неучтивость». Глава уже прибывшей к тому времени в Прагу торговой делегации РСФСР П. Н. Мостовенко, присутствовавший при этом разговоре, написал Чичерину, что из сказанного посланником следовала «возможность завязать сношения с Болгарией и послать туда нашего представителя под флагом разрешения репатриационного вопроса»¹⁴⁹.

Прибыв в Прагу, Мостовенко вынужден был в качестве одного из первоочередных дел заняться исследованием конфликта между Гиллерсоном и Вишневым. Виновной стороной в конфликте он признал Вишневого, который, «ссылаясь на какие-то особые мандаты от Коминтерна и всяких других учреждений, стал действовать совершенно независимо от Гиллерсона»¹⁵⁰. В результате — полный провал самого Вишневого и весьма сомнительные результаты его деятельности. Мостовенко располагал сведениями, что Вишневский пользовался услугами крайне ненадежных агентов и что в министерстве национальной обороны ЧСР фабриковалась дезинформация для

¹⁴⁷ Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 4. С. 98–99. Док. 71.

¹⁴⁸ Там же. С. 180. Док. 123.

¹⁴⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 175.

¹⁵⁰ Там же. Д. 53929. Л. 35.

Москвы¹⁵¹. Он считал «абсолютно никчемной» издававшуюся в Праге Вишневым газету «Правда», с помощью которой тот пытался «проводить какую-то политическую линию во всяких внутрипартийных делах»¹⁵². Мостовенко полагал, что Вишневого нужно наказать, чтобы «в будущем обеспечить неповторение им его здешних подвигов, а также чтобы и другим было неповадно»¹⁵³.

Гиллерсон произвел на Мостовенко впечатление «симпатичнейшего, честнейшего и преданного человека». «Это типичный общественный работник-интеллигент старого толка. Он, правда, не коммунист, но он искренне таким себя воображает», — написал глава торговой делегации наркому. Мостовенко считал, что Чичерину следовало бы предоставить Гиллерсону просимый им отпуск в Берлин или Вену, а в будущем, учитывая «бедность НКИД в работниках», можно было бы направить его в качестве полномочного представителя советского Красного Креста в Болгарию¹⁵⁴. Мостовенко предлагал с отъездом Гиллерсона упразднить миссии Красного Креста и в Праге, и в Москве, передав их функции торговым представительством¹⁵⁵. Это предложение соответствовало плану НКИД. 11 июля Чичерин сообщил Мостовенко, что миссии Красного Креста обеих сторон прекратят свою деятельность. Если военнопленные еще остались, ими могло бы заняться особое лицо в составе торговой делегации. Нарком рассчитывал таким образом избавиться от Скалы, который, по его, наркома, словам, был «слишком скомпрометирован». Чичерин предлагал, чтобы в составе чехословацкой торговой делегации кому-нибудь поручили заниматься бывшими военнопленными. Он не возражал против отпуска Гиллерсону после того, как тот вместе с Вишневым побывает в Москве¹⁵⁶.

30 июля 1921 г. Гиллерсон покинул Прагу. Полицейский агент в донесении педантично зафиксировал время отправления поезда на Дечин — 2 часа 22 минуты пополудни¹⁵⁷.

¹⁵¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 120.

¹⁵² Там же. Л. 118.

¹⁵³ Там же. Л. 35.

¹⁵⁴ Там же. Л. 39.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 22.

¹⁵⁷ АМЗV. II. Sekce — 2. Кг. 563.

Заключение

Таким образом, советская миссия Красного Креста в Праге выполняла функции, далеко выходявшие за пределы официально объявленных — репатриация бывших российских военнопленных. Она рассматривалась Наркоминделом как важный источник информации не только о ситуации в ЧСР, но и в соседних государствах, в которых не было каких-либо официальных представительств РСФСР, о международных отношениях в регионе. Этим объясняются частые обращения Чичерина к Гиллерсону, попытки использовать предоставляемую информацию, чтобы повлиять на ситуацию в интересах Советской России. Зачастую требования наркома были завышены. Гиллерсон и его сотрудники имели весьма ограниченный круг источников и не всегда могли раздобыть необходимую информацию. Не обладали они и таким влиянием, чтобы развернуть активную дипломатическую деятельность в странах Юго-Восточной Европы. Тем не менее советская миссия Красного Креста, будучи первым фактически занимавшим официальное положение представительством РСФСР в Праге, регулярно информировала Москву о внутривнутриполитической борьбе в ЧСР по вопросам внешней политики, об отношении различных политических сил к Советской России, о деятельности чехословацкой дипломатии на международной арене. Кроме того, миссию использовали для организации коммунистической пропаганды, поддержки революционного движения в Чехословакии и соседних странах, для конспиративных целей.

Гиллерсон как глава миссии руководил всеми направлениями ее деятельности. При этом он иногда не соглашался с инструкциями из Москвы, которые, по его мнению, не всегда адекватно оценивали внутривнутриполитическую ситуацию в ЧСР и, соответственно, ее влияние на процесс принятия внешнеполитических решений руководством страны. Гиллерсон не скрывал своих взглядов в отношении политики Москвы; он считал ошибочным решение о наступлении Красной Армии на Варшаву, ставку на раскол ЧСДРП и на успех революционного движения в Чехословакии, сомневался в целесообразности мировой революции. Гиллерсон соблюдал осторожность в вопросах ведения конспиративной работы, из-за чего у него возник конфликт с агентом Коминтерна Вишневым. Нараставшее недоверие и частые упреки со стороны Чичерина побудили Гиллерсона обратиться

к наркому с просьбой об отпуске и возвращении к занятиям медициной, т. е. фактически об отставке.

После возвращения летом 1921 г. в Москву ему не сразу удалось оставить дипломатическую службу. В 1922 г. Гиллерсон был назначен уполномоченным правительства Дальневосточной республики и занимал этот пост вплоть до включения ее в состав РСФСР в ноябре того же года. О последующей судьбе Гиллерсона сохранилось немного сведений. В 1924 г. он был исключен из РКП(б). Некоторое время работал в амбулатории Мосздрави¹⁵⁸. Неизвестно, когда Гиллерсон покинул Советский Союз. В 1932 г. он работал врачом в Харбине, а умер в апреле 1939 г. в Париже¹⁵⁹.

Список сокращений

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва

ДМИСЧО — Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений

ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала

КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии

МИД — Министерство иностранных дел

НКВД — Народный комиссариат иностранных дел

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва

РОКК — Российское общество Красного Креста

ЦК РКП(б) — Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков)

ЦК РОКК — Центральный комитет Российского общества Красного Креста

ЧСДРП — Чехословацкая социал-демократическая рабочая партия

ЧСР — Чехословацкая республика

AMZV — Archiv Ministerstva zahraničních věcí, Praha

DČZP — Dokumenty československé zahraniční politiky

NA — Národní archiv České Republiky, Praha

¹⁵⁸ *Баринов А.* Последний посол ДВР в Москве // Забайкальский рабочий. 2022. 20 IX. URL: <https://zabrab75.ru/articles/nasha-istoriya/poslednij-posol-dvr-v-moskve/?ysclid=lt9vvqqkhg292178715> (дата обращения: 02.03.2024).

¹⁵⁹ Последние новости. Париж. 1939. 13 IV: 1.

Литература

- Петерс 1965 — *Петерс И.А.* Чехословацко-советские отношения (1918–1934). Киев: Наукова думка, 1965. 346 с.
- Станков 2018 — *Станков Н.Н.* Образование Малой Антанты в документах миссии Красного Креста РСФСР в Чехословакии (1920–1921 гг.) // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 152–172. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.3-4.1.12.
- Станков 2019 — *Станков Н.Н.* Повседневная жизнь в Чехословацкой республике начала 1920-х годов в письмах служащего советской миссии Красного Креста в Праге И. И. Левина // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 72–84. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.05.
- Шишкин 1962 — *Шишкин В.А.* Чехословацко-советские отношения в 1918–1925 годах. М.: Изд-во Института международных отношений, 1962. 286 с.
- Dennis 1924 — *Dennis A.L. P.* The Foreign Policies of Soviet Russia. New York: E. P. Dutton and Company, 1924. 500 p.
- Kárník 2003 — *Kárník Z.* České země v éře První republiky (1918–1938). Praha: Libri, 2003. D. 1. 576 s.
- Lukes 1996 — *Lukes I.* Czechoslovakia between Stalin and Hitler: The Diplomacy of Edvard Beneš in the 1930's. New York; Oxford: Oxford University Press, 1996. 318 p.
- Olivová 1957 — *Olivová V.* Československo-sovětské vztahy v letech 1918–1922. Praha: Naše vojsko, 1957. Sv. 1–2. 641 s.
- Vondracek 1937 — *Vondracek F.J.* The Foreign Policy of Czechoslovakia 1918–1935. New York: Columbia University Press, 1937. 451 p.
- Voráček, Hubený, Litera 2019 — *Voráček E., Hubený D., Litera B.* V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz. Praha: Historický ústav, 2019. 676 s.

References

- Dennis, A.L.P., 1924. *The foreign policies of Soviet Russia*. New York: E. P. Dutton and Company, 500 p.
- Kárník, Z., 2003. *České země v éře První republiky (1918–1938)*. Praha: Libri. D. 1. 576 s.
- Lukes, I., 1996. *Czechoslovakia between Stalin and Hitler: The diplomacy of Edvard Beneš in the 1930's*. New York; Oxford: Oxford University Press, 318 p.
- Olivová, V., 1957. *Československo-sovětské vztahy v letech 1918–1922*. Praha: Naše vojsko. Sv. 1–2. 641 s.
- Peters, I. A., 1965. *Chechoslovatsko-sovetskie otnosheniia (1918–1934)*. [Czechoslovak-Soviet relations (1918–1934)]. Kiev: Naukova dumka, 346 p. (in Rus.)

- Shishkin, V. A., 1962. *Chechoslovatsko-sovetskie otnosheniia v 1918–1925 godakh*. [Czechoslovak-Soviet relations from 1918 to 1925]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii, 286 p. (in Rus.)
- Stankov, N. N., 2018. Obrazovanie Maloi Antanty v dokumentakh missii Krasnogo Kresta RSFSR v Chechoslovakii (1920–1921 gg.) [The Forming of the Little Entente in the documents of the RSFSR Red Cross mission to Czechoslovakia (1920–1921)]. *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 152–172. doi: 10.31168/2073-5731.2018.3-4.1.12. (in Rus.)
- Stankov, N. N., 2019. Povsednevnaia zhizn' v Chechoslovatskoi respublike nachala 1920-kh godov v pis'makh sluzhashchego sovetskoï missii Krasnogo Kresta v Prage I. I. Levina [The everyday life in the Czechoslovak Republic in the early 1920s in the letters of the Red Cross mission's official I. I. Levin]. *Slavic Almanac*, 1–2, pp. 72–84. doi: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.05. (in Rus.)
- Vondracek, F. J., 1937. *The Foreign policy of Czechoslovakia 1918–1935*. New York: Columbia University Press, 451 p.
- Voráček, E., Hubený, D., Litera, B., 2019. *V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz*. Praha: Historický ústav, 676 p.

Nikolay N. Stankov

DSc, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt 32A. E-mail: stankovnn@mail.ru

“I Did not Aspire and Do not Aspire to Become a Diplomatic Representative...” Solomon I. Gillerson and the Soviet Red Cross Mission in Czechoslovakia (July 1920 – June 1921)

This article examines the main areas of activity of the first Soviet mission in the Czechoslovak Republic – the mission of the Red Cross of the RSFSR. The author provides extensive evidence that the mission performed functions that went far beyond its official task: providing assistance to former Russian prisoners of war and their repatriation. Considerable attention is paid to the diplomatic activities of the mission: establishing and maintaining contacts with Czechoslovakian officials, negotiations on the neutrality of Prague in the Polish-Soviet war of 1920 and on the recognition of the Soviet state. For Moscow, the Soviet Red Cross mission was an important source of information about the internal political and economic situation in Czechoslovakia, its foreign policy, and international relations in Central and South-Eastern Europe. The article demonstrates the conspiratorial activities of the mission, its support for the revolutionary movement in Czechoslovakia and neighboring countries, its mediating role between the Comintern and left-wing radical organisations in the region, and its work among former legionnaires in the ranks of Russian and Ukrainian emigrants. The author focuses on the personality of the head of the mission, Solomon I. Gillerson, his attitude towards some problems of the domestic and foreign policy of Soviet Russia, towards the communist movement in Czechoslovakia, and towards the directives he received from Moscow. The conflict between Gillerson and the Comintern agent V. Vishnevsky is examined in more detail. The article is based on the study of the funds of Russian and Czech archives, which contain documents of the mission itself (telegrams, letters, reports, and reviews sent to Moscow, and dispatches and instructions by the People's Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR addressed to the mission), as well as materials relating to its position in Prague (diplomatic and other official and personal correspondence, reports from Czechoslovak police agents).

Keywords: Georgy V. Chicherin, Edvard Beneš, Soviet-Czechoslovak relations, repatriation of former prisoners of war, Polish-Soviet war of 1920, Comintern, revolutionary movement in Czechoslovakia

Received: 21 March 2024

Accepted: 30 April 2024

How to cite: Stankov, N. N., 2024. “Ja v diplomaticheskie predstaviteli ne tianulsia i ne tianus’...” S. I. Gillerson i sovetskaia missiia Krasnogo Kresta v Chekhoslovakii (iiul’ 1920 – i iun’ 1921 g.). *Central-European Studies*, 7, pp. 132–177. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.5>.